

Найденные Ли Цинвэнем панты оказались сильно повреждены. Когда с них счистили налипшую грязь, стало видно, что слой нежного пушка почти полностью стёрся, а сами рога покрыты глубокими трещинами и сколами. Трудно было сказать, пострадали ли они во время битвы зверей или же их просто кто-то раздавил.

Охотники, вооружившись факелами, прочесали место находки и обнаружили в снегу ещё несколько обломков. Сложенные вместе, они составили рог длиной более фута, с короткими, закруглёнными на концах отростками.

Однако после того как основная часть была собрана, осталось ещё несколько лишних кусков. Судя по всему, здесь произошло нешуточное столкновение, в котором оба оленя получили увечья, но самих животных поблизости не оказалось — скорее всего, рога были сброшены уже давно.

К счастью, стояла зима. Упав в сугроб, панты надёжно сохранились в холоде; случись это в жару, они бы давно сгнили и покрылись плесенью. И хотя из-за отсутствия должного ухода их товарный вид оставлял желать лучшего, они всё равно оставались ценнейшим лекарственным сырьём, за которое можно было выручить немалые деньги.

Из-за этой неожиданной находки ужин пришлось немного отложить, но, когда в котле томится столько дичи, ожидание только разжигает аппетит.

Мясо дикого фазана было плотным, но на удивление вкусным; даже приправленное одной лишь солью, оно обладало изысканным ароматом. Кто-то уплетал куски прямо с кожей, но Ли Цинвэню такое было не по вкусу. Он попытался поддеть шкурку палочками, но те были неудобными, и у юноши никак не получалось задуманное.

Цзян Цун, сидевший напротив, молча протянул руку и забрал у него куриную ножку. Ловким движением он снял кожу, переложил её в свою миску, а чистое мясо вернул Ли Цинвэню.

С тех пор как младший из семьи Ли покинул родную деревню, его аппетит рос не по дням, а по часам. Теперь он мог съесть две полные миски мяса и при этом не чувствовать тяжести. Впрочем, дома им редко доводилось вот так, без оглядки, набивать животы — трудно было даже вспомнить, сколько мяса он мог съесть за один присест в прежние времена.

Мясо дикой козы отдавало сильным специфическим запахом, а под рукой не оказалось ничего, что могло бы его перебить, поэтому охотники просто сварили на нём бульон. В такой лютый мороз глоток горячего варева был лучшим средством, чтобы согреть продрогшее тело.

После ужина распределили дежурство — в три смены. Без крайней необходимости Ли Цинвэня и Ли Цинчжо к ночному караулу не привлекали.

В этот раз Ли Цинжуй не попал в список дежурных и мог поспать подольше. Расстелив постель и нырнув под одеяло, он поманил к себе младшего брата. Ли Цинвэнь, немного поколебавшись, забрался к нему.

Он был холодным, точно ледышка, и, едва он прижался к брату, Ли Цинжуй невольно вздрогнул от озноба. Его одеяло было старым, коротким и жёстким; как бы они ни ворочались, то в ноги, то в бок постоянно задувал ледяной ветер.

Увидев их мучения, Цзян Цун сунул под своё одеяло матерчатую сумку и позвал юношу к себе.

Этот мешочек был набит твёрдой скорлупой орехов. Когда сердцевину съедали, пустые оболочки прокачивали на огне, а затем засыпали в плотную многослойную ткань. Грелка долго держала почти обжигающий жар и была незаменима в полевых условиях. Цзян Цун использовал этот способ ещё по пути в ссылку, чтобы согреть братьев в холодные ночи, и теперь снова пустил его в дело.

Ли Цинвэнь с радостью сменил холодную постель брата на уютное тепло под боком у Цзяна. Свою одежду он предусмотрительно бросил в ноги Ли Цинжую, чтобы подоткнуть края его одеяла и уберечь того от сквозняков.

Мужчина быстро скинул верхнюю одежду и обувь, отогрел руки и ноги у костра и только тогда нырнул в постель. Ли Цинвэнь тут же подтолкнул мешочек к нему.

Долгая ходьба по снегу вымотала юношу. Он беспрестанно зевал, глаза его закрывались сами собой, но он всё равно бормотал:

— Когда придет твоя смена, разбуди меня... Я буду караулить вместе с тобой.

Цзян Цун не успел ответить — веки его спутника окончательно сомкнулись, и тот провалился в глубокий сон.

Ночью поднялся ветер. Они разбили лагерь в ложбине между холмами, и теперь тишину нарушал лишь заунывный вой метели. Поднятая в воздух снежная крупа с сухим шорохом хлестала по стенкам шатра.

Цзян Цун, привыкший к караульному распорядку, проснулся вовремя без всяких напоминаний. Он бесшумно поднялся. Ли Цинвэнь всё ещё сладко спал. Нашупав под одеялом остывшую грелку, мужчина развязал тесёмки, высыпал скорлупу в чистую глиняную миску и поставил её на угли. Когда косточки снова раскалились, он вернул их в мешочек и аккуратно положил обратно в постель.

В этот раз скорлупа была не такой горячей, и спящий юноша довольно прижался к источнику тепла ногой, на его лице застыло выражение полного блаженства.

Снаружи неистовствовал ветер, закручивая снежные вихри, но дежурных у костра не было видно. Сердце Цзян Цуна тревожно ёкнуло, и он широким шагом направился к соседнему шатру.

Оба человека, назначенных в караул, мирно похрапывали внутри. Брови мужчины сошлись у переносицы в суровой складке.

В этот момент из своего укрытия, зевая, вышел Цзян Липин. Увидев товарища, он с недоумением спросил:

— А где Старина Ху и Гао Юйбао? Ты что, отправил их спать?

Цзян Цун мрачно ответил:

— Я ещё не успел встать, а они уже дрыхли без задних ног. Вышел — костёр пустой. Я уж грешным делом подумал, что их волки утащили, а оказалось — ложная тревога, они просто спят!

Липин мгновенно протрезвел, а его зевок сменился яростной бранью:

— Ах они псы шелудивые! На таком важном деле — и в кусты? Да они жизни свои в грош не ставят!

Если бы в лагерь под покровом ночи прокрался зверь, они, спящие мёртвым сном, даже не поняли бы, от чего погибли.

Цзян Липин уже собрался было ворваться в шатёр и вытряхнуть бездельников из одеял, но собеседник удержал его.

— Я как раз хотел об этом поговорить, — негромко произнёс Цзян Цун. — И дело не только в этих двоих. С тех пор как нас осудили, многие совсем распустились. Если так пойдёт и дальше, мы здесь не то что не приживёмся — голов не носим.

Липин и сам это видел. Попав в ссылку, многие решили, что жизнь закончена, и ударились в отчаяние: стали лениться и бросать работу. Случись подобное в армии, за сон на посту всыпали бы столько палок, что полжизни бы вспоминали, а во время похода за такое и вовсе полагалась плаха.

Блики от пламени плясали на лицах мужчин, то погружая их в тень, то освещая суровые черты.

— Нас уже стало на десять человек меньше, — твёрдо сказал Цзян Цун. — Если не хочешь провожать остальных в последний путь по одному, пора наводить порядок.

Липин тяжело вздохнул и только открыл рот, чтобы ответить, как заметил на снегу длинную тень. Обернувшись, он увидел у входа в шатёр щуплую фигурку. Это был Ли Цинвэнь.

Юноша ещё не совсем проснулся; обнаружив, что рядом пусто, он решил, что пора на смену, и, потирая глаза, выбрался наружу.

Цзян Цун подошёл к нему и мягко произнёс:

— Ещё рано, я скоро вернусь. Ложись обратно.

Холодный ветер мгновенно растрепал вихры мальчика, заставив его поежиться.

— Не пойду, я уже проснулся... — Он зябко обхватил себя руками. — Ой, а чего костёр-то потух? Пойду дров принесу, надо разжечь.

Хворост лежал неподалёку. Ли Цинвэнь принёс охапку и начал раздувать едва тлеющие угли. Маленький язычок пламени поначалу дрожал на ветру, и юноша прикрыл его ладонями, пока огонь не окреп и не охватил сухие ветки.

Когда костёр весело затрещал, Цзян Цун подошёл к нему и помог поплотнее завязать тесёмки на штанинах. В такой метели снег забивался за голенища, таял от тепла и превращался в ледяную воду. Ли Цинвэнь вечно завязывал их наспех, и узлы быстро разбалтывались, тогда как у его товарища всё выходило просто и надёжно — узел держался весь день.

Цзян Липин молча подбрасывал дрова, а Цзян Цун достал лук с лопнувшей тетивой и принялся за починку.

Ли Цинвэнь как-то обмолвился, что тоже хотел бы иметь лук, и теперь мужчина, натянув новую жилу, протянул оружие ему. Юноша с любопытством принялся крутить подарок в руках.

— А этот лук не слишком хлипкий? — спросил он. — Сегодня вон с одного выстрела сломался.

— Это казённое оружие, для тебя — в самый раз, — пояснил Липин. — Твой Старший брат Цзян привык натягивать тугой лук силой в два даня, так что обычное дерево в его руках просто не выдерживает.

«Два даня! Это же больше двухсот цзиней!»

В глазах Ли Цинвэня вспыхнуло неподдельное восхищение.

— Когда у нас будут деньги, я обязательно закажу для Старшего брата Цзяна самый лучший лук!

И это не были пустые слова. Каторжан рано или поздно пошлют на войну, а на поле боя, где жизнь висит на волоске, без хорошего оружия не выжить. Как говорится: «Хочешь сделать работу хорошо — сначала наточи инструменты».

Цзян Липин усмехнулся:

— То ты хочешь выкупить его из ссылки, то луки заказываешь... Задач ты себе набрал немало. Справишься ли?

Зная, что мужчины любят его поддразнивать, Ли Цинвэнь ответил серьёзно:

— Каждый живёт надеждой на лучшее. Человек предполагает, а небо располагает. Главное — сделать всё, что в твоих силах, чтобы потом не жалеть. А если вдруг не получится... что ж, тогда я просто останусь здесь, с вами.

Липин на мгновение замер, а потом запричитал:

— Ой, не говори так! Твой Старший брат Цзян ни за что не допустит, чтобы ты здесь страдал.

Пока они перешучивались, из шатра, пригнувшись, вышел Ли Цинчжо. В руках он держал глиняную миску с мелко нарубленной козлятиной. Цзян Цун сложил у огня камни, установил на них посуду, и вскоре над лагерем поплыл аромат мясного бульона.

К рассвету четверо уже допивали похлёбку. Ли Цинвэню запах козлятины по-прежнему казался слишком тяжёлым, он сделал лишь маленький глоток и тут же начал с тоской вспоминать о домашних специях.

Когда остальные начали просыпаться, Цзян Липин объявил, что утром охоты не будет — у него

есть важный разговор ко всем. Услышав это, Ху Личуань и Гао Юйбао виновато отвели глаза.

Быстро перекусив, братья Ли и Ли Маоцюнь под благовидным предлогом ушли в лес, оставив каторжан наедине с Липином и Цзян Цуном.

За ночь ветер сдул снег со склонов, обнажив пожухлую траву. Мужчины разгребали палками заносы и находили под ними старые, почерневшие грибы, втоптаннные в тёмную землю.

Ли Маоцюнь с сожалением причмокнул:

— Земля-то здесь какая жирная! Сколько бы хлеба на ней уродилось, кабы руки приложить...

Ли Цинвэнь тут же подхватил:

— Вот вернёмся — надо будет разузнать, нельзя ли нам здесь целину поднять. Грех такой земле пустовать.

Маоцюнь покосился на старшего племянника, но промолчал — не хотел лишний раз подстёгивать буйную фантазию младшего.

Ли Цинчжо на их разговоры внимания не обращал: он нашёл под снегом два сухих стебля, вытянул из земли коричневый корень и, пожевав его, удовлетворённо кивнул. Это была солодка, в этом не было никаких сомнений — сладкий вкус был густым и чистым. Корни этого растения уходят глубоко в землю, и выкапывать их даже летом — труд немалый, а уж зимой и вовсе нечего было и думать. Да и от двух корешков проку было мало.

В зарослях кустарника виднелось множество мёрзлых ягод самых разных цветов. Ли Цинжуй строго-настрого запретил их пробовать — кто знает, какие из них ядовиты. Глядя на яркие плоды, младший брат невольно сглотнул слюну. Кроме той половинки сушёного боярышника, он за всё время пути почти не видел ягод. Он огляделся по сторонам, стараясь запомнить приметы места.

— Мы просто не вовремя пришли, — рассудительно заметил он. — Вот следующей осенью заглянем сюда — уверен, здесь будет чем поживиться.

В его сердце гурмана уже зрел план: он обязательно найдёт способ проверить, какие из этих ягод съедобны. Ли Цинжуй бросил на него внимательный взгляд, но спрашивать, зачем им возвращаться сюда через год, не стал.

Голос Цзян Липина, распекавшего каторжан, доносился до них даже сквозь лесную чащу.

Братья думали, что к обеду управятся, но поучительная беседа затянулась на весь день. В какой-то момент Цзян Цун позвал их в шатёр укрыться от ветра. Когда же они наконец вышли к остальным, те выглядели совершенно подавленными. У многих глаза были красными — видно, разнос вышел знатный.

До темноты оставалось совсем немного времени, и все поспешили на поиски дров.

Ли Цинвэнь пошёл вместе с Цзян Цуном. Дров они нашли немного, зато наткнулись на целое семейство снежных кроликов и подстрелили больше десятка — похоже, выбили всю нору.

Юноше оставалось только затаить дыхание и не шевелиться, чтобы не спугнуть косых. И хотя он сам не выпустил ни одной стрелы, радости его не было предела. Меха у кроликов в это время года был самым густым и пушистым — из него получатся отличные варежки и теплые шапки.

<http://bllate.org/book/15828/1438551>